

18+

МИХАЭЛЬ КРЕЧМЕР

ЧЕРТИК У ФЛОРИАНСКИХ ВОРОТ

Михаэль Кречмер

**Чертик у Флорианских
ворот. Повесть**

«Издательские решения»

Кречмер М.

Чертик у Флорианских ворот. Повесть / М. Кречмер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515831-4

Магда, Беата и Ада — подающие надежды актрисы Краковского театра «Миллениум». Яркая богемная жизнь подруг рушится в страшную осень 1939 года, когда Польша оказалось оккупированной немецкими войсками, а все театры были закрыты по приказу нацистов.

ISBN 978-5-00-515831-4

© Кречмер М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чертик у Флорианских ворот Повесть

Михаэль Кречмер

© Михаэль Кречмер, 2020

ISBN 978-5-0051-5831-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

А вы знаете, что такое, когда к твоему дому подходит толпа с вилами и факелами? А я знаю. Хотя мне было всего лишь шесть лет. Я вылезла из кровати и подошла к окну. В свете полной луны я увидела их. Из-за толстой зимней рамы я не могла понять, что же они так кричат- только видела в свете факелов их перекошенные лица. Почему-то я сразу поняла, что они пришли сюда из-за меня, но не придавала этому значения. Я смотрела только на Луну- огромную, желтую, сочную, как головка сыра или крупная тыква. Что-то в ней было завораживающее, невероятно-манящее, сладкое и прохладное, как лимонад, который продавали на вокзальной площади... Луна... Я прижалась носом к стеклу и стараясь не дышать. Ногам стало холодно, и я подпрыгивала и прижимала к теплым икрам то одну, то другую ступню.

За этим занятием меня застала перепуганная мама и схватив меня в охапку отнесла в кровать.

– Все будет хорошо! Они нам ничего не сделают... Только ты спи... Все будет хорошо, Огонек... Сейчас пан Мацейко поговорит с ними, и они уйдут. – засыпая, я слышала сквозь сон прерывистый шепот мамы.

Помню в ту ночь я натянула на уши тяжелое стеганое одеяло и старалась дышать быстро- быстро, чтобы поскорее заснуть, но еще долго слышала, как за окном муж нашей квартирной хозяйки пан Мацейко- огромных размеров белорус с густыми усищами и похожими на два бревна руками- о чем-то припирается с людьми на улице.

На следующий день мама сказала, что нам необходимо уехать. Все утро она просидела с пани Мацейко в кухне, а мне строго-настрого запретила не только выходить со двора, но и приближаться к забору.

– Это все этот чокнутый Стах. Везде ему мерещатся черти. Поменьше бы налегал на зубровку. – ворчала мама, собирая наши небогатые пожитки.

– Ну выкладывайте, милая пани, где свели знакомство с Чертом? -засмеялся громовым голосом пан Мацейко и, подхватив меня одной ладонью, посадил себе на широкие плечи.

Через несколько дней мы отправились на вокзал. Пан Мацейко был настолько любезен, что погрузил наши чемоданы на повозку и вызвался самолично доставить нас на станции. «С теми, кто знает с нечистой силой, надо быть полюбезнее» – продолжал всю дорогу посмеиваться наш бывший хозяин. Как я помню, глаза мамы были красные, а меня терзала одна только мысль- я так и не успела попрощаться с Хохликом¹. Но на станции, когда мама оставила меня сторожить чемодан, я заметила Хохлика в толпе. Его рыжая макушка мелькала за спинами провожающих, он то пытался подпрыгнуть, чтобы помахать мне рукой, то опускался на коленки, чтобы разглядеть что-то помимо чьих-то ног.

Самое главное- он меня увидел. Вся грусть расставания вдруг куда-то улетучилась. Я знала, что мой друг будет всегда со мной. Даже когда я буду далеко...

¹ Chochlik (пол.) – чертенок

Глава 1

В голове Магды эти детские воспоминания основательно обосновались в ту проклятую осень, когда после долгой агонии Краков наконец пал под натиском ударных частей Вермахта. Долгое время чудовищной неизвестности закончилось. Время, когда все жители города, затаив дыхание и цыкая друг на друга, ловили каждое слово из радиоприемников. Закончилось время, когда глухая тоска от осознания неизбежной войны в мгновение ока оборачивалась мрачной решимостью, во что бы то ни стало разбить вероломных колбасников, или же отчаянным весельем, когда в теплые августовские дни когда жители города заполняли многочисленные кафе, рестораны и пивные, из которых непрерывно раздавались словно приправленные сахарным сиропом звуки фокстротов и танго.

В последнюю неделю лета Тадек получил приказ о мобилизации. Из комиссариата он вернулся одетый в длинную серую шинель с погонами подхорунжего, фуражку- «рогатывку²», хрустящие черные сапоги, а также с брезентовой сумкой и предписанием явится в распоряжение Уланского полка Краковской армии. Но даже полностью экипированный, долговязый и близорукий Тадек, долгие годы не бравший в руки ничего тяжелее кисти и баночки оформительских красок, выглядел исключительно миролюбиво.

На следующий день, когда Магда приехала на вокзал проводить мужа, он долго и несмешно шутил, пространно рассуждал о международном положении, а потом порывисто поцеловал ее, пробормотал какие-то слова прощания и влился в толпу таких же как он серых шинелей, фуражек и брезентовых сумок, ожидавших посадки в присланный по разнарядке командования состав.

В тот же вечер Магде не хотелось никого видеть, хотя ее подруги по театру «Милле- ниум» собирались посидеть во французском кафе на Флорианской улице после очередного спектакля «Веселой пастушки». В этом спектакле у Магды была роль совсем небольшая- глуповатой гувернантки дочери немецкого барона, которую «Веселая пастушка» (ее роль, разумеется, исполняла несравненная Ада Файнгольд) постоянно ставила в глупое положение, и Магда с легким сердцем передала ее на этот вечер дублерше. Посмотреть веселый спектакль о том, как красавица-полька обводит вокруг пальца глупого и напыщенного барона немца, а так же уводит жениха у его еще более глупой и откровенно несимпатичной дочери, собирался чуть ли не весь Краков, и даже газеты разразились хвалебными рецензиями, отмечая так же великолепные декорации, выполненные талантливым художником-оформителем Тадеушем Езерницким, который в этот роковой для Отчизны час был призван в ряды Войска Польского.

Несмотря на декорации, выполненные Тадеком, сама пьеса казалось Магде крайне пошлой, достойной разве что сельского балагана, но никак не театра, пусть и третьеразрядного.

Метек... он же граф Берлинг-Домбровский- завсегда с собой всех актерских сиделок- где-то ошивался в пригороде Кракова на сборах Резервного полка, которое, как предполагалось, даст решительный бой германским полчищам, если те только посмеют приблизиться к Кракову. Но, поскольку вероятность такого развития событий, по общему мнению, попросту не существовала, то в Резервный полк посылались или пожилые добровольцы или не годные к строевой службе, как, к примеру, Метек. Метек в свое время вместе с дипломом инженера получил и погоны поручика, посему был направлен в штаб полка.

Мариан Висняк, репортер светской хроники из Нова Трибуна, богемный кокаинист и кумир девушек из кордебалета, тоже отбыл в действующую армию. За день до отъезда он объявился в театре с огромным ворохом букетов, оставив без товара по меньшей мере полдюжины цветочниц. Магде достался букет поздних красных роз, которые Мариан вручил ей в пример-

² Польская армейская фуражка с четырехугольным верхом. То же самое, что конфедератка.

ной, картинно встав на одно колено и припав губами к ее руке. Армейское командование сочло за благо не давать Мариану оружие, его задачей было живописать суровые армейские будни и телеграфировать репортажи в свою родную редакцию. Мариан святился счастьем, новенькая форма сидела на нем так, словно журналист всю жизнь провел, маршируя на плацу. Было ясно, что даже если Мариан Висняк и получает удовольствие от постоянного вращения в кругах краковской богемы, то как профессиональный журналист, давно мечтает о репортерской славе. Намечающаяся война с германскими выскочками, несомненно, даст ему такой шанс.

Так что оставался один только Хохлик. Какая-никакая, а все же компания.

– Прекрати называть меня Хохлик! – уже в который раз заявил чертенок, примостившись на краю тяжелой чугунной ванны, в то время как Магда намыливала непослушные рыжие волосы большим куском душистого розового мыла.

– А как тебя мне называть? Хохлик и есть Хохлик... – пожалала плечами Магда и почти полностью погрузилась в ванну, оставив лишь только лицо на поверхности воды

– Ну называй меня, допустим, Люцифер... – Хохлик задрал голову в верх, окинул взглядом тусклую электрическую лампочку и почесал козлиную бородку. – Для тебя можно – Люцик!

– Люцифер – это твоя несбыточная мечта. Я и не предполагала, что у таких как ты может быть мания величия! – усмехнулась Магда и почувствовала, что страшное напряжение, вызванное отъездом Тадека и непонятными перспективами на будущее, постепенно отступает.

– У нас не может быть никакой мечты. Ты же знаешь. Мы такой ерундой не занимаемся. – отрезал Хохлик. – А мания величия – это уже закон мироздания, тут даже мы ничего с этим поделать не можем.

– В любом случае – останешься Хохлик. А не хочешь будешь- Лелик! Но уж никак не Люцифер. – так же категорично заявила Магда и встала в полный рост в ванне.

Хохлик насутился и ничего не сказал.

– Хохлик... Что же будет дальше? Будет война? – почему-то шепотом спросила Магда и уселась на край ванной накинув на плечи мохнатое полотенце.

– Не знаю! Меня это абсолютно не касается! И тебя это тоже не должно волновать! Я тебе уже тридцать лет пытаюсь это объяснить! – каким-то писклявым голосом запричитал чертик.

– А меня касается! Я-полька! – заявила Магда и тряхнула копной мокрых огненно-рыжих волос.

– Ты – ведьма! – возразил Хохлик. – Ты, конечно, скажешь, что одно другому не мешает, и, конечно же, будешь неправа.

– Ну и иди ко всем чертям! – разгневалась Магда и легко толкнула Хохлика в плечо. Тот неуклюже плюхнулся в остывшую ванну.

– Ну ты совсем уже умом тронулась! – возмутился чертик и стал энергично колотить руками и ногами по воде, пытаясь выбраться из ванной. Это ему удавалось плохо и, наконец отчаявшись, Хохлик высунул голову из воды, простер руки к лампочке и возопил:

– Все! Утонул! Пал смертью храбрых!! А все потому, что никогда не боялся говорить в лицо слова правды!

После этого Магда, успевшая к тому времени накинуть купальный халат, вздохнула и, изловчившись, извлекла мокрого «правдоискателя» из ванны.

– Будешь говорить глупости – уши оторву! А пока вытирайся и пойдем играть в карты.

Глава 2

А что было потом? Радио... Много радио... Обращение главнокомандующего Рыдз-Смиглы, взволнованные репортажи с самой гущи уличных боев в Данциге, сообщения о бомбардировках чередовались исполнением национального гимна. Польская армия, поставившая под ружье почти миллион солдат, изо всех сил сопротивлялась врагу. Люди рассказывали друг другу о героической обороне Народного Дома в Данциге силами взвода жандармов от многократно превосходящих сил противника, об обороне полуострова Вастерплатте, о самоубийственных вылетах польских летчиков на одномоторных «Пулавчиках» против Хинкелей и Мессершмидтов.

Третьего сентября- радость. Великобритания и Франция, помня о союзных обязательствах, объявили войну Германии. На Польском радио каждый час звучали гимны трех стран. Магда и Беата, поддавшись всеобщей эйфории, в толпе горожан принесли цветы к опустевшему французскому консульству, распевая во все горло слова Марсельезы:

Вперед, сыны Отечества

Настал час славы!

За день до падения Кракова Ада Файнгольд забежала попрощаться. Уже несколько месяцев еврейское население города нервно наблюдало за происходящим.

Муж Ады, Адам Файнгольд, сухощавый элегантный шатен, очень мало походивший на еврея, был успешным биржевым маклером. Он заблаговременно арендовал виллу в курортном поселке в окрестностях Львова, где рассчитывал переждать бурю, полагая что даже такая холера, как пан Гитлер, все же не решится дергать за усы такую холеру, как пан Сталин, и не станет слишком приближаться к советской границе. В тот день, когда в небе Силезии появились первые германские самолеты, Файнгольды заняли свои места в уютном вагоне первого класса, с трудом протолкнувшись через толпу беженцев, заполонившей перроны Краковского вокзала.

– Ты представляешь, я только заказала кофе с пирожным, как поезд остановился... Нам говорят: «Вылезайте! Поезд дальше не пойдет: немцы разбомбили дорогу» – с трудом сдерживая слезы рассказывала Ада, когда измученные и опустошенные они вернулись в Краков, заплатив втридорога за такси.

Когда город пал, Магда почти неделю не могла заставить себя покинуть свою квартиру. От Тадека не было никаких вестей. Магда целыми днями смотрела через окно на улицу, в полной прострации отмечая про себя появляющихся тут и там людей в незнакомой военной форме и обрывки лающих команд. Еще через день она увидела рабочих в униформе краковского муниципалитета, которые устанавливали на фонарном столбе на углу улицы похожий на перевернутое ведро громкоговоритель. В тот же вечер громкоговоритель впервые, шипя и скрипя подал голос и долго что-то «лаял» о том, что жителям Кракова «повелевалось», «предписывалось» и «приказывалось» новой администрацией, и какие кары ждали тех, кто осмелится нарушить предписания. Магда пропускала приказания мимо ушей и все смотрела на улицу, а потом долго и нервно прислушивалась к топанию чьих-то ног на гулкой мраморной лестнице дома.

Перед тем, как все-таки покинуть убежище, она в последний раз любовно расчесала свои длинные рыжие волосы, после чего аккуратно обрезала их ножницами. Посмотрев на себя в зеркало, она осталась довольна – волосы едва прикрывали затылок, а лицо, лишенное рыжего обрамления, казалось совершенно чужим, хотя все еще очень привлекательным.

«Так меньше вероятность что меня кто-то узнает» – подумала Магда. Ведь как можно смотреть кому-то в глаза, когда по твоей улице маршируют солдаты в серой форме, а в окно твоего дома «лает» громкоговоритель?

На лестнице Магда встретила пожилого соседа бухгалтера пана Рышарда, который отправлялся выгуливать престарелого пса.

– Не правда ли, чудесная погода в этом году в сентябре, пани Езерницка? – вежливо поинтересовался бухгалтер и по-старомодному чуть приподнял шляпу.

За несколько недель до Рождества неожиданно вернулся Тадек. Он был все в той же шинели, правда, грязной и без погон. И без того худой, вернувшийся с войны Тадек напомнил одетый в военную форму скелет. Правую ногу он едва волочил, опираясь на самодельную деревянную палку. По его словам, их армейскую колонну атаковали Мессершмидты. Тадек был тяжело ранен и оказался в госпитале, где несколько дней находился между жизнью и смертью. Очнувшись после операции, Тадек не сразу понял, что госпиталь занят Вермахтом, и он, и оперировавший его военный врач являются военнопленными... На следующий день явился немецкий офицер в накинутом поверх формы белом халате. Брезгливо окинув взглядом помещение, заполненное ранеными солдатами, он приказал очистить больницу от польских раненых, ибо ему приказано подготовить госпиталь к приему раненых Вермахта.

По возвращении в Краков, Тадек, вопреки ожиданиям Магды, целыми днями пребывал в жесточайшей депрессии.

– Там, в лагере я только и мечтал, как бы добраться домой... Мне казалось, тут в Кракове будет все по-прежнему. – говорил он в порывах откровенности. – То есть, я понимал, что и этого просто не может быть... Немцы..., будь они прокляты...

В Кракове, конечно же, ничто не осталось по-старому. Над Вавельским замком- древней резиденцией польских королей- развивался алый стяг с черным пауком свастики на белом круге... Городу надлежало стать столицей генерал-губернаторства – податной земли, недостойной даже того, чтобы быть присоединенной к Рейху... В этом была особое, изощренное издевательство – древняя столица Пястов и Ягеллонов, которые в течение столетий вели славянских воинов на борьбу с германскими рыцарями, была объявлена «исконно немецким городом», и лишними в этой идиллии были польские граждане.

Не было театра... То есть роскошное здание главного театра у стен Старого Города не пустовало. Там играла набранная из местных немцев труппа на немецком языке репертуар, полностью соответствующий эстетическим предпочтениям нацистов – зубодробительные патриотические спектакли, воспевающие величие германской расы, вперемежку с легкими водевилями и комедиями.

Тадек каждое утро спускался на улицу и шел до Рыночной площади (разумеется, никто из горожан и не думал называть ее площадь Адольфа Гитлера), стуча костылями по мостовой. Там он покупал «Краковский Гонец»,³ дома просматривал заголовки, пытался читать и тут же отбрасывал газету в сторону. Опираясь на палку, он начинал делать круги по квартире, но вскоре изнеможенный опускался в кресло.

– И ты понимаешь, Магда, я даже не сделал не одного выстрела. Чего там- я даже не видел ни одного немца ни вблизи, ни издали... Первого немца я увидел только в госпитале.

– Зато сейчас ты можешь восполнить этот пробел. – невесело попыталась пошутить Магда.

– Тогда зачем все это было... – как будто не слыша ее говорил Тадеуш. – Право слово, если бы меня там убили, все посчитали бы, что в моей жизни был хоть какой-то смысл.

Он еще долго жаловался на жизнь, проклинал жестокую судьбу, театр Миллениум, из-за которого весь его художественный талант ушел на рисование декораций к пошлейшим водевилям, немцев, нарушивших привычный размеренный уклад жизни, дурной вкус публики, не желавшей покупать его картины..

Магда утешала его, но все больше и больше понимала, что Тадеуш получает какое-то мазохистское удовольствие в поисках причин краха своей жизни и карьеры художника.

³ Газета на польском языке, издаваемая в Кракове во время оккупации

– Я часто сожалел, что у нас с тобой нет детей. А теперь я благодарю Бога за это – хотя бы никто не видит наше унижение. – сказал как-то Тадеуш жене и снова погрузился в свои мрачные мысли.

Глава 3

Городская биржа труда, организованная немецкой администрацией, находилась в здании гимназии в дзельнице Гжегужки⁴. Все школы Кракова, кроме начальных, были закрыты по приказу генерал-губернатора, и пустующие здания использовались властями для необходимого общения с подшефным населением.

Жителям города, не имеющим постоянной работы, предписывалось зарегистрироваться на бирже. Этот приказ не вызвал энтузиазма у жителей города. Многие были наслышаны о том, что труд в Третьем Рейхе был почетной обязанностью и посему власти планировали принудительно направить на работу в Рейх тысячи человек из оккупированных польских территорий. Не ожидая ничего хорошего от оккупационных властей, поляки не торопились идти на контакт с немцами, ибо такой контакт означал быть поглощённым и перемолотым германской бюрократической машиной, начинавшей работать сразу же в любом оккупированном городе.

Театр Миллениум, в котором служила Магда, как и остальные театры Польши был закрыт в первые же дни новой власти, тем же приказом, согласно которому закрывались гимназии и университеты. Вернувшийся с ампутированной ступней Тадек также лишился работы театрального художника, но бывший польский солдат-инвалид не был интересен немецкой администрации. Сбережения стали подходить к концу, и Магда отправилась в бывшую гимназию имени маршала Пилсудского для регистрации на бирже труда.

Биржа труда обслуживала всех жителей Краковской городской гмины⁵, включая тысячи осевших в городе беженцев и поэтому попасть внутрь Магда смогла только отстояв длинную мрачную очередь, состоявшей из абсолютно разношерстной публики: рабочих, уволенных школьных учителей, бывших домохозяек, демобилизованных солдат и бывших сельских жителей в самом начале войны прибывших в Краков из дальних поветов.

В кабинете с обязательными для присутственных мест германским флагом и портретом фюрера на стене, куда пустили Магду находился немолодой немецкий унтер-офицер с красными от усталости глазами и еще один в штатском. Унтер-офицер не обратил на нее никакого внимания, он делал какие-то выписки из разложенных на столе конторских книг и время от времени делал глоток из также стоявшей на столе большой чашки. Вторым в комнате был совсем юноша, одетый в штатское. Не поздоровавшись, он надменным кивком показал Магде на стул и вдруг заговорил по-немецки, обращаясь к унтер-офицеру:

– Может быть пан офицер нуждается в помощи? Они держали книги в ужасающем беспорядке. Это просто не поддается пониманию, как можно так безалаберно относиться к своим обязанностям!

Голос молодого человека звучал так елейно, что немец невольно поморщился и сухо поблагодарил за предложенную помощь.

Магда, как и многие жители Кракова хорошо говорила по-немецки- город больше века был под властью австрийских императоров и немецкий язык оставался в обиходе довольно долго и после обретения независимости. Но немецкий молодого человека звучал так, что Магда сразу поняла- перед ней один из местных немцев, чьи предки веками жили в Силезии и которых оккупанты выделили в особую привилегированную расовую группу. Еще три месяца назад, с начала войны многие из них сочли за благо закрыть двери принадлежавших им магазинов и контор и отсидеться дома, так как во многих местах местные жители выплескивали свой гнев на в большинстве случаев ни в чем не повинных согражданах. Радио сообщало об огромном количестве агентов Абвера, завербованных среди местных немцев, что еще больше разжигало

⁴ Городской район Кракова.

⁵ Административная единица в Польше.

ненависть толпы. Ходившие в огромном количестве слухи рассказывали о кровавых событиях в западном городке Быдгощ и заставляли многих немцев дрожать от страха в своих домах... Но с приходом германской администрации именно им, аккуратно внесенным в особый список, предполагалось стать опорой нового режима. Ну, например, занять конторскую должность на бирже труда...

– Приказать сделать вам еще кофе, пан офицер? – также услужливо предложил молодой человек, но унтер-офицер покачал головой.

– Спасибо, Хартман. На сегодня все. Я еду в штаб. Не забывайте, о данном вам задании.

– Хайль Гитлер! – несколько петушиным голосом крикнул молодой человек, которого, как оказалось, зовут Хартман.

Унтер-офицер посмотрел на него долгим взглядом, в котором читалось недоумение и презрение, после чего выкинул вперед правую руку и ни слова ни говоря вышел из комнаты.

После ухода унтер-офицера начался разговор, а точнее допрос. Магду немного позабавило то, что Хартман в разговоре с ней явно пытается подражать своим новым хозяевам. Он старался говорить басом, больше всего опасаясь, что в его голосе проскочат предательские «петушинные» нотки, держался холодно, и всем своим видом старался походить на колонизатора, вынужденного общаться с покоренными туземцами.

– Да... Вы, пани Езерницка, конечно, несколько староваты, но учитывая, что вы бывшая актриса, а также ваши внешние данные, я полагаю, что вы нам подойдете. Вы же знаете немецкий язык? – Хартман сказал это по обыкновению в отрешенно-презрительной манере, однако было видно, что его уши постепенно становятся цвета вареной свеклы, а под носом выступили крохотные бисеринки пота.

Услышав это, Магда немигающим взглядом посмотрела на собеседника. Было совершенно ясно, что для этого сопляка, скорее всего недоучившегося студента, все, кто старше двадцати пяти, были уже «староватыми».

Ее угрюмое молчание Хартман, по-видимому, по неопытности посчитал заинтересованностью и потому продолжил:

– Немецкие солдаты и офицеры страдают, как бы это сказать... от одиночества. И мы ищем польских девушек и молодых женщин, которые могли бы развлекать их по вечерам... Ну там пением, танцами. Мы, то есть Верховное командование Вермахта, будет вам платить жалование в четыреста злотых в месяц, к тому же каждую неделю богатый продуктовый набор... – немец говорил быстро, в его голосе появились какие-то умоляющие нотки, и он совсем не заметил того, что перешел на ненавистный петушиный фальцет. Его уши и шея горели, и он больше не походил на сурового германского колонизатора... Но вот слова «нам», «мы» он произнес с нескрываемым ощущением собственной значимости, словно за его спиной стояла вся непобедимая мощь Тысячелетнего Рейха.

– А надо с ними спать? – деловито спросила Магда. Она вытащила из кармана пачку сигарет и закурила, пытаясь справиться с захлестывающей ее злостью.

– Пани Езерницка, по законам Германии запрещено вступать в интимную связь с расово неполноценными! – надменно произнес Хартман и стал медленно подниматься со стула, словно готовясь своей тщедушной спиной защитить солдат Рейха от сексуальных посягательств этой рыжей стервы.

– Но, конечно, в частном порядке мы можем организовать... Ваше вознаграждение, как вы понимаете, существенно возрастет: и в деньгах, и в продуктах... – чуть понизив голос произнес Хартман, приблизив свое лицо к лицу Магды, так что она с отвращением разглядела его редкие усики и два больших прыща на подбородке.

– Неужели положат еще килограмм колбасы! – радостно-недоверчиво сказала Магда и вопросительно посмотрела на Хартмана.

– Килограмм лучшей брауншвейгской колбасы, швейцарский шоколад, венгерское вино-все продукты со специальных складов, предназначенных для старших офицеров Германской армии. – быстро подтвердил Хартман, едва сдерживая ликование в голосе.

Станислав Хартман действительно был недоучившимся студентом, изгнанным из альма-матер незадолго до начала войны по причине полной неуспеваемости. Его отец, владелец небольшой фирмы по поставке строительного оборудования, хорошенько всыпал проштрафившемуся отпрыску, но с приходом немцев было решено отправить Станислава на службу поближе к новой администрации в надежде завести нужные знакомства. На месте служащего биржи труда Станислав Хартман проработал всего неделю и изо всех сил хотел выполнить поручение начальства подобрать нескольких «девух»⁶ для утех старших офицеров. Эта рыжая Магда Езерницкая хоть и была уже немолода, целых тридцати двух лет, но что называется «вся в соку», к тому же прекрасно говорит по-немецки, к тому же актриса... Несомненно, это ему очень скоро зачтется. А там последует повышение по службе, может быть даже перевод в Вавельский замок, в аппарат самого генерал-губернатора. От открывавшихся перспектив кружило голову! Он представил себе, как он в новенькой, с иголки, серой форме гонит по Кракову на черном Хорьхе, и на мгновение зажмурился. А девки будут сами лезть к нему в постель, ища его благосклонности, и никто больше не осмелится называть его «глистом», как это было в школе! А что, если... А что, если он подберет для господ офицеров какую-нибудь другую девку, а эту рыжую оставит себе! Она же не сможет отказать ему, он же не последний человек в новой власти! Лишиться девственности с этой явно многоопытной женщиной показалось ему необыкновенно заманчивым. Он представил, как она покорно снимает с себя одежду и чуть не взвыл от нахлынувшего желания...

– А вы, молодой человек, только расово полноценны или еще и умственно, и сексуально? – спросила вдруг Магда, прервав его мысли. – Судя по всему, с этим у вас большие проблемы.

– Что?! – раздосадовано закричал он. – Вы забываете, что разговариваете с высокопоставленным сотрудником городской управы! Да я с вами знаете, что сделаю?!

– Единственное, на что вы способны – это пожаловаться на меня своему начальству. Но от вас воняет потом и селедкой, которую вы ели на обед, и этого не скроет даже ваш дешевый одеколон. Так что никто из немцев не будет вас слушать. Вы бы видели, какую брезгливую мину скорчил это унтер-офицер, когда вы предложили ему кофе...

– Заткнись! Я отправлю тебя на каменоломню, чертова рыжая курва! Посмотрим, что станет там с твоими нежными пальцами!

Он был красный от бессильной злобы, но прежде всего Магда прочитала в его глазах страх и удивление. Удивление от того, что эта рыжая сука его не боится! А страх – от поразившей его чудовищной мысли – а что, если новые хозяева не так всеильны, как кажутся? И что тогда будет с ним самим?!

– А еще у тебя маленький член из-за обильной мастурбации. А девчонок ты сам боишься, дабы не осрамится в постели? Может быть, ты вообще не в теме? Третий пол? – продолжала ворковать Магда, намеренно выводя его из себя.

– Заткнись! – едва слышно прохрипел Станислав Хартман. Он был в ее руках. Подчинить себе волю трусливого и слабого человека не составило труда. Сил Магды хватило бы, чтобы заставить его делать, что угодно, но его воля была ей не нужна. Ей была нужна его жизнь.

Когда за Магдой закрылась дверь, Станислав Хартман долго сидел в пустой комнате, не имея сил позвать следующего посетителя, и старался прийти в себя. Его рубашка была мокрой от пота, зубы мелко стучали от внезапно наступившего озноба, но самое главное – об ушед-

⁶ Dziewucha (пол.) – девка

шей посетительнице он не помнил ничего, кроме страшного ведьмина оскала на ее уродливом лице.

А Магда шла по оживленной улице, с трудом передвигая ноги. В ее сумочке было предписание явиться на рабочее место в городскую каменоломню, выписанное этим ублюдком Хартманом, но это, как раз, заботило Магду менее всего. Каменоломня так каменоломня. Мышцы ее тела наливались свинцовой болью, лицо горело, а сердце бешено билось в груди. Иногда Магда делала остановки, чтобы унять головокружение и тошноту. Она знала – это была плата за ее ведьмину силу, которая, найдя выход, обрекала ее человеческую оболочку на физические страдания... Так же Магда знала, что в тот день, когда закончится ее магическая сила, не будет и самой Магды.

Глава 4

– Вам мешает, что я курю? – усмехнулась Магда, увидев, что сидящий рядом молодой человек в рабочей стеганой телогрейке рассеянно смотрит на нее. На Краковской каменоломне, куда Магду и пару десятков других рабочих отвозил каждое утро потрепанный коричневый автобус, наступил перерыв. По счастью для Магды, вместо лопаты и лома ей вручили карандаш и конторскую книгу, куда надлежало записывать количество тележек с дробленным камнем и их вес. Сидеть на морозе на фанерном ящике с конторской книгой на коленях было холодно и неудобно, руки в рукавицах с трудом удерживали огрызок карандаша, но Магда не жаловалась. Она с неподдельным интересом наблюдала за рабочими, прислушивалась к их разговорам и на удивление почти не сожалела о театральной жизни.

– Нет! Что вы! – замахал руками тот, как бы пытаясь отогнать столь несуразное предположение.

– Тогда, не желаете ли? У меня еще остались кубинские. Отличный табак. – Магда вытащила из кармана ярко-красную упаковку и протянула рабочему.

– Нет! Нет! Спасибо... Я не курю. – как бы извиняясь, заговорил молодой человек. – Честно говоря, пытался начать, но как-то не втянулся. Не так давно... Еще в гимназии. Но, может быть, попробую еще...

Тут Магда повнимательнее пригляделась к собеседнику. Было похоже, что ему не больше двадцати лет, хотя выглядел он несколько старше. Он был высоким, с приятной полуулыбкой на губах и ранними залысынами. Было видно, что рабочая смена на каменоломне довольно сильно изнурила его – он снял перепачканные каменной пылью брезентовые рукавицы и внимательно осмотрел распухшие и покрасневшие ладони... И еще Магда сразу заметила, что молодой рабочий бросает на нее взгляды полные обожания, и по-видимому, сам не отдает себе в этом отчет. Еще, чего доброго, действительно начнет курить, чтобы произвести впечатление на рыжую незнакомку...

– Я тоже раньше почти не курила. Хотя у нас в театре все дымят, как уланы Пилсудского. А сейчас курю почти постоянно. По-моему, в такое время сигареты – это как старый друг, который всегда рядом, чтобы ни случилось... – глубоко вздохнула Магда и тряхнув копной волос широко улыбнулась собеседнику.

От ее улыбки молодой человек довольно заметно смутился, но быстро взял себя в руки.

– Так вы служите в театре? – заинтересованно спросил он, явно радуясь, что сидящая перед ним женщина сама подсказала тему для разговора.

– До войны... Была актрисой в театре Миллениум... Ампула веселой содержанки. Может быть видели на афишах- Магда Езерницка. Но сейчас театр закрыт.

– А я Войтыла. Кароль. Я недавно в Кракове. Мы с отцом перебрались из Водовиц. Я начал учиться на факультете польской филологии, но тут... – с этими словами Кароль беспомощно развел руками.

– Отец болеет. Приходится крутиться, чтобы заработать на жизнь. – пояснил он.

– Вы непохожи на человека, предназначение которого таскать камни. – сказала Магда.

– Скорее их собирать. – усмехнулся молодой человек.

– Вам, наверное, очень тяжело без театра. – осторожно добавил он. – Я ни в коем случае не считаю себя профессиональным актером, но в гимназии занимался в театральной студии. И в Кракове – в студенческом театре. Даже пытался режиссировать собственные пьесы.

Магда сразу поняла, что Кароль не слишком привык рассказывать о себе незнакомым людям, поэтому, произнося это, он смутился, словно признавался в чем-то недостойном.

– Я не знаю, Кароль... – Магда на мгновение закашлялась от сигаретного дыма – Театр закрыли и может быть это к лучшему. Мне странно представить, как люди сейчас идут смотреть пьесы.

– Но почему же? – искренне удивился Войтыла.

Повисло молчание. Было ясно, что разговор подошел к опасной черте, переступить которую без полного доверия к собеседнику могло быть смертельно опасно. И раньше, до войны, были темы, на которые нежелательно слишком распускать язык с незнакомцами, ибо всегда находились любители выявить неблагонадежных, но сейчас разговор с «неправильным» человеком мог очень быстро привести в застенки, а то и на виселицу.

– Какой может быть театр, когда творится все это! – неожиданно для себя, с раздражением сказала она. – Как можно играть спектакли, писать стихи, когда нас хотят превратить в рабов! Они даже школы закрыли! Зато пивные открыты. Я на их месте открыла бы театры и синемаграф! Как это было у древних- *rapem et circenses*⁷? Люди быстро забудут о том, что они больше тут не хозяева, и будут рабы любой подачке!

«А будь что будет!» – подумала Магда. – «Сколько можно оглядываться на кого -то! Что, немцы такие дураки, что думают, что поляки в частных разговорах славословят их сраный *ordnung*?»

– Я убежден, что вера в Бога даст силы нашему народу сохранить достоинство, несмотря ни на что. – сказал вдруг Кароль.

– Не слишком ли много испытаний он посылает нашему народу? Боюсь, в небесной канцелярии вошли во вкус. – с сарказмом в голосе произнесла Магда, но ее молодой собеседник не обратил на это никакого внимания.

– Именно так! Вера поможет нам остаться людьми! Она поможет нам сохранить наш язык, нашу церковь, наши школы, театр, наконец! – Кароль говорил горячо и, казалось, нисколько не опасаясь, что его слова могут достичь нежелательных ушей. Однако в его речи не было и малой доли столь ненавистного Магде трескучего пафоса, которым были пропитаны патриотические передачи Польского радио в первые дни войны, до того момента как Варшава пала, и радиостанция перешла в руки захватчиков.

– Вы мне настолько доверяете, что говорите все это? – удивилась Магда.

– Чего бы стоила моя вера, если бы я перестал доверять людям. – пожал плечами Войтыла.

– Немцам вы тоже доверяете, молодой человек? – затянувшись сигаретой, спросила Магда.

– Немцы сейчас наши враги. Каждый из них по отдельности – заблудшая душа, которая ослепла от сознания собственной силы настолько, что они считают себя сильнее божьего промысла. Но, как и любое зло, они сами себя сожрут...

– А мы в это время будем делать вид, что ничего не происходит? Пока нас не перевешают? – усмехнулась Магда. Она так для себя и не решила, забавляет ее этот разговор или наоборот, раздражает.

– Я этого не говорил. – нарочито спокойно, словно учитель, объясняющий элементарные вещи нерадивой ученице, произнес Войтыла. – Я только хотел сказать, что на этот момент для нас главное оставаться людьми. Потому что потом, когда все это закончится, оставаться людьми будет еще тяжелее.

– Я, кажется, догадываюсь, что ты имеешь в виду. – Магда внимательно на него посмотрела. – Ты боишься, что, когда немцы уберутся, люди будут мстить?

– Вы знаете, пани Езерница, со мной работают двое из Кельц. Такие же рабочие, как и все остальные. Они приехали в Краков за полгода до войны искать работу. Так вот, они силезские немцы, и я вижу, что некоторые за одно это готовы перегрызть им горло... Я пытался

⁷ Хлеба и зрелищ (лат)

объяснить своим товарищам, что немцы только этого и добиваются- чтобы мы ненавидели друг друга, а не их! – с горячностью произнес Кароль.

– Не знаю... По-моему, месть – это та мысль, с которой поляки должны просыпаться по утрам. Не имею в виду, конечно, что надо мстить простым работягам. Им просто не повезло родиться среди колбасников.

«Странный малый» – подумалось Магде. – «Надеюсь не с каждым встречным он ведет такие духоподъемные беседы, иначе он очень быстро окажется за решеткой.» Но кое в чем не согласиться с молодым паном Войтылой она не могла.

Немецкая администрация планомерно уничтожала польскую государственность, согласно исходящим из высоких берлинских кабинетов планам Восточной политики. Однако начали немцы даже не с переименования улиц и площадей и разрушения оскорбляющих утонченный арийский вкус памятников. Главное для оккупантов было разрушить то, что до войны гордо именовалось гражданами Второй Речи Посполитой.

Первыми были евреи. Их очень быстро лишили даже тех минимальных прав, которые еще оставались у христиан. Щелкоперы из «Краковского гонца» славословили немецкое командование за избавление Польши от «власти жидовского капитала». Еврейские предприятия были реквизированы новыми властями, школы закрыты, а единственным занятием, разрешенный евреям, оставался тяжелый физический труд.

Бедная Ада Файнгольд, которая думала, что самое ужасное – это то, что Адам потеряет престижное место в банке! Мало кто из уважаемых краковских буржуа, финансистов, адвокатов и предпринимателей, составлявших элиту еврейской общины, могли представить чудовищные унижения, от которых не защитили ни деньги, ни связи, ни высокое положение. Все это рассыпалось в один момент, как рассыпается в руке иссохший лист папиросной бумаги.

Находились те, кто взахлеб рассказывали о бывших еврейских финансистах или адвокатах, которые покорно таскали тяжелые камни или мели улицы, нацепив по приказу немцев желтые лоскутки на верхнюю одежду. К слову, большинство еврейских жителей Кракова были мелкие служащие, ремесленники или торговцы, и в этом мало чем отличались от поляков, но рассказывали почему-то именно о банкирах и фабрикантах... Очень часто злорадствовали именно те, кто до войны благоговейно снимал шляпу входя в кабинет еврейского финансиста...

Расчет немцев оказался дьявольски прост – униженные поляки будут ненавидеть тех, кому еще хуже, хотя многие каким-то шестым чувством понимали, что завтра могут оказаться на месте евреев. Но то – завтра... А сейчас, через год после того страшного сентября, еврейские граждане поняли, что между ими и остальными выросла непреодолимая стена...

Но то евреи... А вот другие категории польских граждан ощутили на себе трогательную заботу Рейха. Восточные немцы, веками жившие на территории Речи Посполитой, желая того или нет, оказались главной опорой нового режима. Жившие в Малопольском воеводстве горцы-гуралы узнали от немцев, что они угнетенное меньшинство, достойное лучшей доли... Необразованные пейзаны из затерянных в горах деревень, изъяснявшиеся на верхнесилезском диалекте, массово набирались на мелкие должности в полицию и жандармерию. Многие из них, прибыв в Краков под начало германских унтер-офицеров, впервые оказывались в крупном городе... Остальные горожане откровенно ненавидели и боялись полицейских «синерубашечников» даже больше, чем их немецких хозяев.

Другим же, как, к примеру полякам-протестантам или русинам-лемкам, делались прозрачные намеки на возможность признания их арийцами. Таким образом, поощрением доносительства и открытым безжалостным террором немцы пытались превратить граждан Польши в сборище ненавидящих друг друга меньшинств... Когда даже близкие друзья не могли доверять друг другу, а ненависть направлена на своих бывших сограждан, организованное сопротивление оккупации, по мнению германской администрации, стало бы невозможным...

– Из Вас, Кароль, получился бы хороший ксендз. – первый раз за весь день улыбнулась Магда, а Хохлик, ошивавшийся тут же, рассмеялся во все горло.

– Спасибо! – тоже улыбнулся Кароль. – Думаю, я этого не достоин. Когда все закончится, я хотел бы вернуться в университет или же посвятить себя театру. Извините, что отнял у вас столько времени.

Он встал со своего места, отряхнул снег с мешковатых серых брюк и направился было к своей бригаде, как Магда окрикнула его, успев отвесить хороший подзатыльника Хохлику.

– Кароль! Спасибо Вам за этот разговор! – сказала она, чувствуя впервые за последний год непонятное и, наверное, неуместное умиротворение.

Молодой человек рассеянно улыбнулся в ответ и помахал ей рукой.

Глава 5

В тот же день перед завершением работы произошла еще одна встреча. Когда Магда, пританцовывая от холода, с нетерпением ждала окончания смены, она вдруг услышала свое имя.

– Пани Езерницка? Магда? Это вы?

Высокий господин в хорошем черном пальто, перчатках и не запачканных грязью сапогах приветливо махал ей рукой. Она узнала его сразу, но отвечать на приветствие не спешила. Менее всего ей хотелось встретить кого-то из той, прошлой жизни. В особенности графа Берлинг-Домбровского. Судя по хорошей одежде, а в особенности по тому, что граф что-то объяснял по-немецки своим спутникам, а те внимательно слушали, отношения с новой властью у него складывались совсем неплохо.

– Я так плохо выгляжу, что вы меня не сразу признали, пан Домбровский? – спросила она, когда граф, извинившись перед своими спутниками, подошел к ней.

– Вы потрясающе выглядите в любой одежде и на сцене театра и здесь. – несколько неуклюже сделал ей комплимент граф. Метек, а именно так звали графа Домбровского в театре Миллениум, не пропускал ни одной премьеры этого не самого лучшего городского театра, долгое время считался в краковских богемных кругах «близким другом» актрисы Беаты Кочаровской. Но перед самым началом войны граф надолго исчез с поля зрения. По слухам причина этому была самая, что ни на есть уважительная – графа слегка помял муж Беаты, работавший в том же театре электриком.

– Герр Берлинг! Не будете ли вы так любезны уделить мне немного своего драгоценного времени, когда закончите разговор с Вашей очаровательной спутницей? Мне нужна Ваша помощь, чтобы разобраться в некоторых деталях. – к Метеку обратился по-немецки один из его спутников – невысокий, довольно молодой человек в элегантном городском плаще, из-под которого выглядывал темно-серый костюм и бордовый галстук на фоне ослепительно-белой рубашки. На носу молодого человека сверкали очки в золоченой оправе, а его светлые волосы топорщились на ветру. В руках он держал папку с бумагами и пытался рассмотреть что-то на одном из чертежей, а ветер пытается вырвать его из рук.

– Всенепременно, герр Клоц! – также любезно заверил его Метек и порывистым шепотом пояснил Магде, которая зябко куталась в рабочую телогрейку:

– Это известный архитектор Клоц из Берлина... Проходит по ведомству Шпеера, кажется...

Магда еще раз бросила взгляд на архитектора, который в очередной раз чуть было не выронил папку в грязь в безнадежной борьбе с пронизывающим силезским ветром. Этот человек-немец? Разве немцы бывают такими? Трогательно неуклюжими? Любезно и вполне искренне делающими комплименты? Не приказывающими лающим голосом, а просящими помощь? Все немцы, с которыми Магде пришлось общаться были другими: некоторые откровенно грубыми, другие презрительно-добродушными, третьи холодно-высокомерными. Но все они смотрели на подшефное население, как на то, что не заслуживает называться людьми.

«Заблудшие души.» – Магда вспомнила недавний разговор с этим странным молодым человеком, как его звали? Кажется, Войтыла...

Ну а чем этот архитектор лучше других? Тем, что носит гражданский костюм? Наверняка в Кракове его поселили в одной из хороших гостиниц, где польские девушки каждый день гладят ему его дорогой костюм, или в какую-нибудь роскошную квартиру, откуда выгнали польскую или еврейскую семью. Наверняка он молится на своего плюгавого фюрера, который, по утверждению всезнающей Беаты Кочаровской, боится дантистов, и мерзко воняет изо рта.

– Он назвал Вас «герр Берлинг»? – усмехнулась Магда. – А куда же подевался граф Домбровский? Вы же так гордились тем, что имеете право на корону Речи Посполитой?

– Прекратите! – зашипел граф. – Когда была регистрация армейских офицеров, я назвался фамилией матери. Чтобы они поскорее отстали от меня! Вот и все!! И то я провел месяц в лагере. Семья моей матери двести лет живет в Кракове! Никакого отношения к Германии я не имею!

Казалось, еще мгновение и граф сорвется на крик.

– Ну да, я понимаю... Домбровский звучит как-то не по-арийски... А в какой список они Вас внесли? Арийцев или ублюдков? Или для таких, как Вы у них есть отдельная папочка? Для недоарийцев? – тоже чуть не срываясь на крик продолжала Магда. – А почему они Вас не позвали послужить фюреру и отечеству?

– Магда!!! Умоляю тебя- прекрати! -взмолился Метек.

– А то что? Пожалуешься на меня друзьям из гестапо? Ты- ничтожество, которое даже немцы отпустили, так как знали, что ты ни на что не способен! – неожиданно Магда перешла с ним на «ты».

– У меня нет друзей из гестапо!!! – почти в полный голос рывкнул инженер, так, что в их сторону обернулись и немцы, и поляки. Увидев это, он рывком схватил Магду за рукав и не обращая внимание на ее громкий протест потащил в сторону подальше от чужих глаз и ушей.

– Магда, послушай меня! – стараясь придать голосу твердости, заявил Метек. – Ради нашей дружбы, пожалуйста, поверь, что я никого не предавал!

Тяжело дыша, Магда посмотрела на него. Ее шляпка сбилась на бок и густой огненно-рыжий локон упал на ей на глаза. В этот момент ей показалось, что внутри что-то сломалась. Перед ней был Метек, граф Берлинг-Домбровский, с его синими бездонными глазами, римским профилем потомственного аристократа, добродушный весельчак и балагур, обожатель всей женской половины театра Миллениум, на которую он, не моргнув глазом, просаживал отцовское состояние. Метек, в обществе которого было так спокойно... Магда тяжело вздохнула и присела на затвердевшую снежную глыбу.

– Прости... -выдохнула она. – Я не сдержалась...

– Извини, я не спросил тебя, как там Тадеуш... – тихо спросил граф, присаживаясь возле нее.

– Он вернулся... Был в плену два месяца. Был ранен, с трудом ходит. Мы остались почти без средств. Поэтому я и пошла на эту чертову каменоломню.

Магда говорила каким-то бесцветным голосом, и Метек вдруг упал перед ней на колени, схватил ее за руку и стал осыпать поцелуями и повторяя:

– Прости меня... Прости меня... Ты можешь презирать меня, но пожалуйста, давай встретимся... Я тебе все объясню... Только не здесь. Умоляю тебя, Магда...

У входа в канцелярию Магде снова попался на глаза тот обходительный берлинский архитектор. Он все еще возился с бумагами, делая на ходу какие-то пометки.

– Извините, пани. Я видел вас еще вчера. Польские женщины очень красивые, – неуверенно начал он, мешая польские слова с немецким. От волнения папка с документами окончательно выскользнула у него из рук.

Магда на лету поймала папку и широким жестом вручила ее немцу:

– Благодарю вас герр Клоц. Вы немного льстите польским женщинам. По общему мнению, еврейские женщины намного красивее. В этом я могу вас заверить, как истинная полька, – мило улыбаясь, отвечала Магда на прекрасном немецком.

Архитектор, окончательно смутился и, пробасив слова извинения, быстро удалился, прижав документы к груди.

Глава 6

Магда лежала на животе, уткнувшись носом в упругую подушку и вдыхая чуть дурманящий запах лаванды. Ее вдруг развеселило, что Метек, верный аристократическому воспитанию, даже для этой квартиры он приобрел лучшее постельное белье и вдобавок не поспешил на прованский ароматический порошок. Эту небольшую квартиру в рабочем районе Кракова, из тех, что в Польше именуют квавалерками⁸, Метек приобрел еще лет десять назад для интимных встреч, ибо приводить девчонок в родительский особняк на улице Салваторской означало бы оскорбить шляхетскую честь старого графа Домбровского и довести до сердечного приступа воспитанную в строгих евангелических традициях мать.

Несмотря на малую площадь квартиры, молодой граф обставил ее по истине с аристократическим размахом. Но, к сожалению, нужно признать, потомственный аристократ Берлинг-Домбровский не отличался особо утонченным вкусом, что, по-видимому, и сделало его поклонником простеньких водевилей, которые ставили в театре «Миллениум». Квартиру заполнила купленная Метеком мебель в стиле фальшивого барокко, потолок украшала гипсовая лепнина, а на стенах висели картины, на которых было сложно было что-нибудь разобрать на фоне роскошных золоченых рамок. Но вот набор напитков, сигар и шоколадных конфет был действительно впечатляющим. В этом вопросе на вкус графа действительно можно положиться.

Граф долго что-то говорил, периодически покрывая поцелуями обнаженную спину Магды, в то время как та силилась понять, что же заставило ее принять его предложение работать в его инженерной конторе, а потом принять его предложение приехать сюда...

Метек, пустой, ни на что не способный человек, который и шагу не может ступить без семейных денег и связей... Да по сравнению даже Тадеуш, который без очков натывается на дверь – образец мужества, хотя и не имеет ни атлетической фигуры, ни красивых синих глаз, ни обволакивающего голоса. О своем дипломе инженера он вспомнил только, когда пришли немцы... Магда не была уверена, видела ли она Метека, занимающегося чем-либо кроме приятного времяпровождения в краковских клубах, ресторанах и спектаклей театра Миллениум. Но почему-же с ним так хорошо, что не хочется уходить...

Она внезапно села на кровати и обвила руки вокруг шеи Метека, так что ее груди прижались к его спине. Это произошло так неожиданно, что граф даже застонал от удовольствия.

– А как твои родители? Извини. Я так и не поинтересовалась.

Граф обхватил колени руками и опустил голову.

– Мама в порядке. Старается держатся подальше от своих обожаемых соплеменников. А отец арестован...

– Арестован?! Ты это серьезно? – искренне удивилась Магда, хотя события последних месяцев приучили ее, что последнее, чему стоило бы удивляться, это аресты, казни и просто бесследные исчезновения абсолютно невинных людей.

– Ты помнишь, как эти ублюдки закрыли Ягеллонский университет? Как «рассадник ненависти к германской нации и тысячелетней германской культуре».

– Помню... Они арестовали всех профессоров... Всех, кто тогда провел занятия, несмотря на запрет.

– Так вот... Мой отец был председателем попечительского совета юридического факультета. Когда это случилось, он надел свой парадный мундир полковника императорской армии, нацепил оставшиеся еще с той войны австрийские ордена и поехал прямо в Вавельский замок, дабы выразить протест самому генерал-губернатору...

⁸ В Польше- маленькая квартира

– Писали, что Ганс Франк сам доктор юриспруденции... – вспомнила Магда.

– Это да. Но думаю, отец такому «доктору» не доверил бы и полы мыть на кафедре. В общем, не знаю, смог ли он пробиться к самому Франку, но его быстро скрутили и отправили в гестапо со всеми его орденами. Нашлись доброхоты, которые вспомнили как он разглагольствовал на тему величия польской нации и насмеялся над немцами с их чертовым фюрером...

– Вы знаете, где он сейчас? – спросила Магда.

– Скорее всего в Освенциме. Недалеко от Кракова. Немцы свозят туда польских заключенных из всей Силезии, размещают в старых армейских казармах. Мы с мамой пытались выяснить, можно ли его навестить, но нам засмеялись в лицо и сказали, что поляки могут туда попасть только в качестве арестантов.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – разозлилась Магда. – Не попытаешься, что-нибудь предпринять? Ты же офицер!

– Что я мог сделать?! Что?! Боже мой, я всего лишь инженер, никакой не офицер... – сказал Метек с горечью и внезапно заплакал.

– Когда немецкие части подошли к Кракову, мы не сделали не одного выстрела. Нас поставили в оборону возле Дояздува. Нас было от силы два десятка ополченцев чуть ли не с мушкетами времен короля Сигизмунда против пехотного батальона. Я сказал своим ополченцам не стрелять...

Воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов.

– Если бы вы стали стрелять, немцы бы вас убили? – хрипло спросила Магда.

– Нет. Угостили бы шнапсом... – огрызнулся Метек. – Ты пойми, Краковская армия к тому моменту почти что перестала существовать. У меня не было никакого приказа или плана действий...

Глава 7

Первые месяцы оккупации прошли, как в тумане. Магда в конце концов поддалась на уговоры графа Домбровского, то есть, разумеется, герра Берлинга, и перешла на работу в инженерную контору, расположенную недалеко от Главного Вокзала. О недолгой работе на каменоломне ей напоминала только огрубевшая кожа на руках.

«Вот и все... Теперь ты – любовница-секретарша у своего начальника. Ниже этого – только быть содержанкой у какого-нибудь богатея» – угрюмо думала Магда, приступая по утрам к своим не слишком утомительным обязанностям. Она представила себя в качестве любовницы пана Густава Вроницкого – многолетнего директора театра Миллениум, и только усмехнулась... Несмотря на расхожее мнение об около богемной, театральной публике, директор Миллениума обожал свою не очень здоровую жену и троих детей и никогда не был замечен ни в чем предосудительном.

В конторе у Метека постоянно ошивались немцы. Магда ощущала на себе их откровенно похотливые взгляды и с трудом заставляла себя вежливо улыбаться в ответ на однообразные липкие комплименты о красоте славянских женщин. Во всем этом было что-то до тошноты унижительное, словно она согласилась на гнусное предложение, которое сделал ей негодяй с биржи труда.

Немецкая администрация, едва освоившись в Вавельском замке, погрузилась с головой в наполеоновские планы превращения Кракова, «исконно немецкого города», в идеальный город будущего, откуда германские чиновники будут управлять дикой восточной колонией – с величественными административными зданиями, широкими проспектами и стадионами, вместо всех этих костелов, синагог, лавочек и лабазов, несущих печать восточного убожества, еврейской алчности и славянской лени. Первыми должны быть снесены памятники, увековечившие дегенеративное искусство и польский анти германский национализм, как, например, памятник Грюнвальдской битве, особенно оскорблявший нежные чувства тевтонов.

Контора Метека была привлечена к этой масштабной работе, как и некоторые другие польские фирмы, сумевшие найти взаимопонимание с новыми хозяевами. Но, как заметила Магда, немецкие гости Метека, в основном мелкие и средние чины Вермахта и СС, приходили в контору не столько корпеть за чертежами, сколько приятно провести время за бутылкой зубровки или шнапса в компании соплеменника.

Но немцы наконец убрались, и Метек с виноватым видом, как нашкодивший подросток, приходил к ней и, даже не пытаясь сказать что-либо в свое оправдание, жадно прилипал к ее губам. Магда на несколько мгновений чувствовала прилив отвращения, но очень быстро страсть захватывала ее. Закончив дела в конторе, она покорно садилась в Паккард Метека и ехала в эту чертову «кавалерку»... Ну в самом деле, не возвращаться же домой, где пьяный Тадек осоловело смотрит на пустой холст или того хуже, погружается в мрачные рассуждения о бренности жизни, собственной ничтожности и несостоятельности.

«Ну почему я стала ходить в эту проклятую „кавалерку“ к Метеку? Почему мне так хорошо с ним? Может быть, когда привычная жизнь рушится, как карточный домик на ветру, необходимо что-то, за что можно зацепиться... Что-то постоянное.» – не раз задавала себе вопрос Магда.

И действительно, эти встречи возвращали ее в то ослепительное время, когда был театр, когда после премьер всей труппой шли в ресторан, где кутили до поздней ночи, когда Метек после спектакля ждал ее, Беату и Аду на своем ослепительно белом Паккарде, в то время как несчастный Тадек пропадал в театральной мастерской, работая над декорациями. В те времена у ворот Барбакан играл оркестр городской пожарной охраны, а на Рыночной площади еще стоял памятник Адаму Мицкевичу. Сейчас, главная площадь города была, разумеется, пере-

именована в площадь Адольфа Гитлера, а памятник Мицкевичу снесен, как представителю «дегенеративной» литературы. Новые хозяева, подобно своре псов, стремились пометить территорию и стереть многовековую историю Польши...

– А театр? С тех пор, как немцы закрыли все театры, я даже не была в том районе города...

Отвратительно смотреть на руины прошлой жизни – закурив, произнесла Магда.

– Я был... – сказал Метек. – Здание заколочено, окна разбиты... Только ветер играет с занавесками. А афиша «Веселой пастушки» так и висит...

– Боже мой... Мне тяжело поверить в то, что всего лишь несколько месяцев назад все было по-другому... Казалось, в жизни будут только премьеры, вечеринки с друзьями, покупки во французских магазинах... А потом случится что-то такое необыкновенно-прекрасное, ради чего и стоило бы все это начинать.

– Что, например? – скрестив под собой ноги и затянувшись сигаретой, спросил граф.

– Ну к примеру наш спектакль увидит какой-нибудь известный режиссер из Америки и пригласит меня, Беату и Аду в Голливуд. Или на худой конец в Париж!

– Сразу всех троих? – усмехнулся Метек. – Боюсь, польский театр не оправится от такого удара...

– Но зато все увидят, что американки и в подметки не годятся нам, полякам! – в запальчивости вскрикнула Магда, запустив в графа накрахмаленной подушкой.

– Огонек, что за снобизм? По-моему, все женщины одинаковы – во всяком случае без одежды. – засмеялся тот.

– И немки?

– Не знаю. Вероятно, тоже. – пожал плечами Метек.

– А мне говорили, что когда они орут «Хайль Гитлер» и поднимают руку, то их соски тоже твердеют и устремляются ввысь!

– Кто может нести такую чушь? – раздраженно сказал Метек.

– Да так... Есть такой Ромек. Немного чокнутый. Вчера рассказывал на рынке.

– Этого Ромека упекут в тюрьму за такие рассказы. – сказал граф.

– Ты мог бы перестать на них работать? – тихо спросила Магда, уткнувшись головой в его покрытую густыми светлыми волосами грудь.

– На кого- на «них»? – осторожно спросил граф, хотя прекрасно знал, что Магда имеет в виду.

– На немцев.

– Я не работаю на немцев. – устало сказал Метек, понимая, что разговор вновь касается ненавистной ему теме. – Мы выполняем заказ магистрата. Это все. От нас им требуется проект строительства дороги и план работ. И наняли они нас только потому, что в Германии не так легко найти инженеров, которые бы согласились сюда приехать.

– План строительства дороги, по которой поедут германские танки на восток для завоевания мирового господства! – ехидно заметила Магда. Метек давно заметил, что во время подобных разговоров ее голос становился из теплого и невероятно сексуального в холодно-насмешливый.

– Я только делаю свою работу. Или, по-твоему, я не должен зарабатывать на кусок хлеба? И не должен содержать маму?

– Для этого не обязательно брать у них деньги. И не обязательно напиваться с эсэсовцами, как будто это твои лучшие друзья. Куда подевалась ваша шляхетская честь, граф Домбровский? —

Магда отстранилась от него и стала искать рукой брошенную на пол одежду. В такие моменты она чувствовала брезгливое отвращение к самой себе за то, что не устояла перед мужским обаянием молодого графа. Как прекрасно было бы продолжать работать на каменоломне, записывать в толстую тетрадку количество тележек с камнем, сжимая в заиндевелых

руках огрызок карандаша, а во время перерыва вести умные разговоры с этим юным философом Войтылой.

– Магда, я не мог отказаться! У них мой отец, наконец. И нет больше никакого графа! Есть только польский инженер Мечислав Берлинг! За графский титул можно запросто угодить в гестапо! Мы должны пережить все это! Потом будем выяснять, где же моя шляхетская честь!

Магда молчала. В словах Метека был свой резон. До Магды доходили слухи, что во многих воеводствах, в особенности на Западе Польши, представителей польской аристократии попросту уничтожали, как и многих других представителей польской элиты. Эти земли должны были присоединены к Рейху, и никакого польского присутствия на них не предполагалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.